Мария Сухарева

ИНЫЕ ИСТОРИИ

предметы и люди

Мария Сухарева

Иные истории. Предметы и люди

«Издательские решения»

Сухарева М.

Иные истории. Предметы и люди / М. Сухарева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850258-3

Сборник рассказов «Иные истории» появился как-то сам собой, без умысла, но с вымыслом. Я никогда не думала, что смогу писать в подобном жанре, не говоря уже об издании первых проб. Но оказалось, что оживлять предметы, представляя то, о чем они могли бы думать и мечтать, безумно интересно. Надеюсь, таковым будет и чтение.

ISBN 978-5-44-850258-3

© Сухарева М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Предметы 7
Я вижу 8
Комната 9
Окна 10
Король 11
Красная помада 12
Дверь 13
Добро и зло 14
Луи 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Иные истории
Предметы и люди

Мария Сухарева

Корректор Ольга Важенина
Иллюстратор Farawaykingdom.net
Дизайнер обложки Farawaykingdom.net

© Мария Сухарева, 2017
© Farawaykingdom.net, иллюстрации, 2017
© Farawaykingdom.net, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0258-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Странно начинать предисловие к своей первой книге словами: «Книги пишутся по-разному». Откуда бы мне про это знать? Ведь один в поле не воин и один раз не… ничего не значит. И все же, думается мне, я уже могу об этом судить. Ведь, как ни крути, а книга настоящая, и я держу ее в руках.

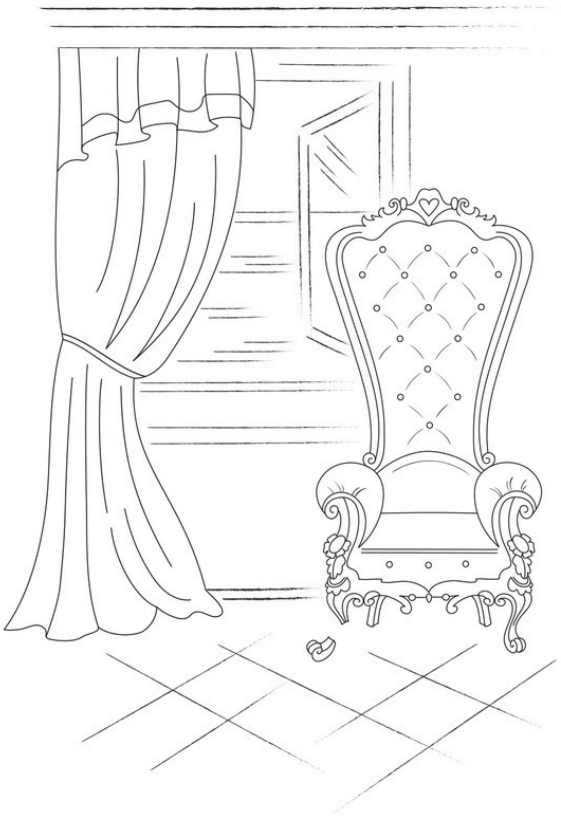
Так вот, книги пишутся по-разному: одни десятилетиями зреют в головах создателей, мараются, переписываются и в итоге так и остаются неоконченными, другие рождаются однажды и вдруг, без замысла и планов быть изданными. Маленькими звездочками вспыхивают в голове сюжеты, и все что тебе остается, просто сесть и перенести мысли на бумагу (вечно жалея, что печатаешь ты медленнее, чем думаешь).

«Иные истории» появились по второму сценарию. Никогда бы не подумала, что буду писать в подобном жанре (умные люди, подскажите, как он называется), не говоря уже об издании первых проб. Но видимо, вымысел с элементами волшебства – мое. И оживлять предметы, представляя то, о чем они могли бы думать и мечтать, оказалось безумно интересным. Этих историй миллион, они повсюду, но почему-то сейчас, когда книга закончена, эта вспышка прошла – мне не видится загадок в закрытых ставнях старых деревенских окон и не слышен детский смех, когда я прохожу мимо опустевшей площадки. Может быть, это настроение так навсегда и останется в 2016 лете, а, возможно, когда-то я снова вернусь к иным историям. Кто знает?

Как бы то ни было, здесь и сейчас я рада, что мне хватило терпения довести дело издания первого сборника до конца. И, конечно, ничего бы этого не было без прекрасных людей, которые приняли участие в работе над книгой. Спасибо замечательному корректору Ольге, которая причесала мои запятые и междометия, удивительному художнику Юлии, из-за рисунков которой мне хочется писать снова и снова просто для того, чтобы она рисовала для меня новые иллюстрации, волшебной Мариам, которая и натолкнула меня на мысли о том, что предметы могут говорить. И, конечно, всем моим друзьям и близким, которые меня поддерживают и читают!

А теперь, кажется, самое время перевернуть страницу и начать чтение. В добрый путь!

Предметы



Я вижу

В комнате нас двое: она и я. Иногда она сомневается, так ли очевидно, кто из нас предмет, ведь я намного больше и старше нее. Во мне отражается вся ее жизнь. И я, в отличие от нее, помню все до мельчайших деталей. Кажется, можно запустить меня, как проектор, и я все покажу.

Я знаю ее с рождения, я помню, как она трогала меня маленькими пальчиками, пытаясь схватить себя за нос. Помню, как она играла в принцесс и пиратов. Как наряжалась на выпускной. Как кралась в темноте, придя из клуба, и придерживалась за стену, боясь упасть от первого излишка шампанского. Как по мне скользили и исчезали тени чужих людей. Как менялся от слез цвет ее глаз, становясь бирюзовым.

Сейчас она стоит напротив и разглядывает свои отметины:

– подбородок: едва заметная белая точка – встретилась с раковиной в четыре года,

– правая рука: три тоненькие ниточки чуть ниже локтя – неудачно обняла кошку в восемь,

– левая коленка: вмятина в полсантиметра длиной – не рассчитала тормозной путь велосипеда в пятнадцать.

Однажды вот так же она спросит о своих радостях, и я вновь не совру. А пока… она смотрит на шрамы.

Комната

Познакомились мы в девяносто пятом, я тогда была не при марафете. Помню, она забегала, присматривалась. Ей нравилось у меня – в таком возрасте дети еще любят хламовники, а уж чего-чего, этого у меня хватало. Через пару лет ее родители взялись за меня основательно – поменяли окна, двери, полы, поклеили новые обои, побелили потолки. Я преобразилась, и отношение ко мне стало соответствующим, правда, фрагментарно я еще была не обжита.

Шли годы, она росла, я покрывалась пылью, и вот однажды мы решили попробовать пожить вместе. Девчушка окончательно перекочевала ко мне накануне своего девятнадцатилетия. И жизнь, звуки которой раньше доносились до меня через стенку, стала моей. Я стала ее телом, а она – моей душой. Ох и понаворочано в той душе! То она любит баночки-фенечки, цветочки-бусики и делает из меня новогоднюю елку, расставляя по полкам груды сувениров и подарков. То она минималист, и все летит в урну. То, увлекшись фотографией, она завешивает меня хендмейд-рамками, то порывисто оголяет мои стены, оставляя лишь легонькие обои. Про то, сколько раз по моему периметру кочевали кровати, столы, шкафы, стеллажи и пианино, я вообще молчу (от этих плясок у меня весь пол в пиктограммах от мебельных ножек).

Но, знаете, она забавная, правда. Она любит меня. Стоит так, бывало, перед окном, смотрит вдаль и рассказывает о чем-то. Поплакать раньше любила, теперь больше смеется – я радуюсь. Иногда она ленится – забывает убирать меня, но потом, под настроение, как возьмется, и я сияю. А еще мы с ней принимаем гостей, нечасто, и порой они ее обижают, но она любит их, а значит, и мне полагается. Однажды, помню, ушел кто-то, она обмякла на полу, долго так сидела, но потом встала. Она всегда встает. Я думаю, все же она боец, там внутри, под разноцветной мишурой, эта девочка – великан. Я так рада, что она со мной. Знаю, в голове у нее уже давно бродит мысль сломать внутри меня все стены и сделать студию. А я и не против, потому что знаю – все равно будет хорошо. Ведь я – это она, а себе она не навредит.

Окна

Глаза, глазки, глазища, глазенки. Окна у всех разные, сквозь них мы смотрим на мир, и каждый видит его по-своему. Большие важные люди забираются в небоскребы, чтобы видеть больше, но меня не покидает ощущение, что, куда бы они ни забрались, вместо окон у них зеркала, и они в них глядятся-любуются.

А ведь дело не в высоте дома и не в ширине окна. По мне, так больше всего можно увидеть из маленьких деревенских окошек с резными наличниками, смотрящих на оживленную улицу: вон баба Зина идет на базар с корзинами, полными душистых пирожков, а там Сашка со Степкой опять безуспешно чинят велосипед, заржавевший после заплыва через реку, а напротив через дорогу у калитки валяется дядя Гриша, он снова барагозил всю ночь, и тетя Аня не пускает его на порог, если он не проснется в ближайшее время, рискует быть защипанным баб-Маниными гусями, а вот спешит на работу Беллочка, отбивая каблучками новых туфель ритм испанского фламенко, деды опять режутся в домино, и старый прохиндей Митяй неизменно всех обыгрывает.

Я сижу у окна и смотрю, мне никуда сегодня не надо, я путешествую глазами и мыслями по судьбам этих простых людей. И так тепло на душе.

Распахнутые, глядящие целый день, вечером окошки требуют покоя, я бережно закрываю их мягкими шторами. И так до следующего рассвета. Что в нем будет? Что они увидят? Об этом завтра…

Король

В огромном заброшенном зале их осталось трое: он – потрепанный временем трон красного дерева с кожаной обивкой, позолоченными набалдашниками и недостающей ножкой, часы в резной оправе и вечность. Стены покрылись плесенью, по углам в шатрах-паутинах царствуют пауки. Десять минут до девяти…

– Бом-бом, – пробили часы.

– Кхе-кхе, – перемялся с ноги на ногу трон, – а я и забыл, что вы давно выжили из ума – бьете не в девять, а без десяти. Ох уж эти ваши ритуалы. Я и без этого грохота все помню. Есть такие воспоминания, которые лучше стереть, но именно они заставляют тебя чувствовать чуть слышное дыхание жизни. Помню, помню, – заскрипел он по-старчески, – все помню. Сегодня круглая дата – ровно двадцать лет назад в 8:50 по местному времени Прирожденный Король отрекся от меня, отринул традиции, втоптав их в пыль вместе со своей мантией, короной и скипетром. Он ушел налегке, не было ни пышных проводов, ни гонений. Лишь покорное недоумение его подданных, которые отпускали его молча. Кто-то восхищаясь, кто-то завидуя, кто-то с опаской смотря в будущее без Него. Никто не знает, куда он ушел, жив ли. Но я знаю, я все чувствую. И раз уж сегодня юбилей, я открою вам эту тайну. Эй, многоногие, слышите? – крикнул он паукам. – Мой Король ушел в рассвет, к новым восходам, морям и приключениям, любви… Это он на людях был со мной, приемы разные, пиршества. А что? Мы неплохо смотрелись. Я тогда еще был при параде, и он – статный, юный, смелый. Но стоило только ему остаться одному, он бежал к этой простолюдинке – скамейке на заднем дворе, вечно изменял мне с этой колченогой. Однажды я умудрился посмотреть, что он там делает. Скажите на милость, знаете, что он там делал? – крикнул он в пустоту. – Он рисовал! Раскладывал вокруг себя кисти, краски, тряпки какие-то и рисовал. Я видел его взгляд – он был по-настоящему счастлив в эти моменты.

Мой Король ушел, чтобы стать художником. Я знаю, он взял бы меня с собой, да только я не приспособленный к кочевым условиям… не художники мы-с, – он грустно улыбнулся складками потертой обивки. – Вот такой я трон – без Короля. А ножки на самом деле у меня уже давно нет, просто Он умел удерживать равновесие.

Красная помада

Нет, мне все это решительно надоело, вот возьму и испорчусь! А что? Мне девочки рассказывали, как портиться. Правда, они это используют, чтобы прервать свое бесконечное стояние на полках в ожидании покупателей. Тут мне, конечно, грех жаловаться – пользуются мной часто, да, вот только я потом за это и получаю. Вчера вон только летела через всю комнату об стену, даже краешек откололся. А я разве виновата, что она сама все время берет меня с собой? Вечно трусь в этой малогабаритной косметичке. А потом начинаются проблемы, и все говорят, что из-за меня. Нормально вообще? То находят мои следы на воротниках его рубашек, то на наволочке, то в пепельнице на тонких сигаретных окурках. И начинается: жена скандалит, этот дурак играет в молчанку, а моя мадам рыдает: «Не могу так больше!»

Потом вроде все утихает на пару недель, и опять по кругу. Главное, он ей потом еще и выговаривает, это, мол, все твоя красная помада. Нашли крайнюю! Боже, почему меня не купила какая-нибудь киностудия, я бы в исторических фильмах играла, разведчиц всяких. А что? Я б смогла! У меня потенциал знаете какой? Я и блестеть могу, и матовости добавить, а как на мне капли воды шикарно смотрятся!

Помада замечталась и вдруг услышала, как открывается косметичка:

«Да, милый, лечу, через пять минут спускаюсь!» – донеслось до нее.

«Ну, вот, опять…» – только и успела подумать помада, как изящные пальчики схватились за колпачок.

Дверь

А меня с фабрики сразу сюда и определили. В пятьдесят восьмом году. Не думала, конечно, что стану подъездной, но, в принципе, не такой уж плохой вариант. Во-первых, на свежем воздухе, во-вторых, дядя Степа меня от снега и дождя защищает. Это козырек наш, вон как вытаращился, мне с лихвой хватает. В-третьих, я ж в самом центре событий, мимо меня муха не пролетит. Это важно. У меня ж порода, гены. Понимаете, я из дуба, не то что эти ширпотребные из других подъездов. Меня вообще какому-то генералу на дачу собирали, да Ванька, кладовщик новенький, что-то там напутал и забузовал меня сюда, ну а когда спохватились, я уже тут висела. Вот, значит, без малого уже шестьдесят лет.

Насмотрелась я разного. Дом тоже новехонький был, мы с ним вместе вахту-то и принимали. Помню, как растопырили меня на целый день и давай туда-сюда по этажам бегать: шкафы, диваны, стулья, коробки всякие, даже пианино! У меня аж петли затекли и ручка об стену неудобно терлась. Ну, это ничего, я ж понимаю. Зато потом, когда улеглась кутерьма, гости пошли. Новоселье отмечали. Чуть погодя колясочки начали провозить, велосипеды, самокаты. Бывало, что и в последний путь провожала. Всякое было.

А однажды случилась история со мной! У Ленки из пятой квартиры хахаль был, студент, щуплый такой, вечно в шарфах каких-то дурацких ходил и все терся около меня. Сдалась я ему! Подойдет, бывало, и трогает, гладит, высматривает что-то. Неудобно, ей-богу. А в один прекрасный день пришел с красками, ящиком, стремянкой. Ну, все, думаю, отвисела ты свое, мать, сейчас он тебя того, на свалку истории отнесет. Понятно теперь, чего таращился. Зажмурилась я от страха, не шелохнусь, а потом чувствую, вроде шкурит меня, приятно так, щекотно, краской запахло, потом пилить что-то начал. Открыла я глаза, батюшки! Ну красота! Фиолетовая я теперь, да с окошком и цветами, и ручка новая. Оказалось, это он дипломную работу в институте сдавал, дизайнер он. С Ленкой они, кстати, расстались в итоге. Приземленная она девка, а он, говорят, в Америку уехал. Меня же местной достопримечательностью признали, теперь детям показывают. Вишу вот, несу культуру в массы.

Добро и зло

Я живу на этом утесе очень давно, настолько давно, что имя человека, выковавшего и установившего меня, уже стерлось с могильных плит заброшенного кладбища. Я – клетка, я защищаю добро от зла. Во мне заканчивают свои дни божьи отступники. В исступлении сжимают они мои плети усталыми руками и, подняв белесые глаза, смотрят на небо. Я много раз задавала себе вопрос: «Почему? Почему они хотят узреть там того, кого предали?»

Друзей у меня немного: скала, удерживающая мою башню, почерневшее от удара молнии дерево, грифон, прилетающий в поисках пищи, да заплутавшие чайки, изредка оживляющие мою обитель пронзительными криками. Когда море штормит, буйные языки волн поднимаются на утес, будто желая взять его приступом. Иногда я чувствую влажные капли на своих прутьях – это моменты особенной радости.

Сейчас заключенных всего трое. Всего три пары обреченных глаз смотрят сквозь меня. Врачеватель Илай, он делал травяные снадобья и лечил смертельно больных людей, но церковь сочла его колдуном. Танцовщица Ида, убившая обидчика своей матери. И преподобный Эжен, укрывавший у себя в келье и тайком учивший грамоте крестьянских детей. У этих людей нет ничего. Их слезы и молитвы слышу только я.

Перед казнью к узникам приходит священник и судья. Первый отпускает грехи, второй исполняет последнее желание. Они приезжают на дорогих каретах в окружении свиты. С каждым разом им все труднее подняться на башню – мучает одышка. Однажды я слышала, как они обсуждали, что выносить подкупленные обвинительные приговоры становится все труднее и поэтому нужно поднять плату.

Увы, я никому не могу рассказать об этом, ведь я всего лишь клетка. Я защищаю добро от зла, вот только с какой стороны это добро?

Луи

На эту часть пляжа люди заходили редко, поэтому его обитатели слыли счастливцами. Ничто не нарушало ход их вечности. Огромные валуны подставляли гладкие бока нежным пенным объятиям, чайки вальяжно прогуливались вдоль берега, рассуждая о скоротечности бытия, морская тина, отвергнутая пучиной, коротала свои последние часы под жарким полуденным солнцем.

Адель была особенно хороша сегодня. Волны едва доставали до нее, обдавая влагой ее розовую спинку с тонкими белыми прожилками. Луи любовался ею. Он лежал чуть поодаль и подставлял солнцу свое серое грифельное угловатое тело. Он не был обласкан морем, поэтому выделялся среди других камней своими острыми линиями.

– Адель, – говорил он ей, – ты прилетела с неба.

– Почему? – удивлялась она.

– Ты похожа на кусочек закатного розового облачка. Он откололся и упал на этот берег, чтобы быть со мной.

– Ты выдумщик! – отвечала она.

– Вовсе нет, просто ты сама не знаешь, как прекрасна.

В этот миг волна накатила чуть сильнее, и Адель очутилась совсем рядом с Луи, так что он почувствовал ее прохладное прикосновение. Как бы он хотел остановить это мгновение, заставить море замерзнуть, чтобы провести остаток вечности с ней, оберегая ее, любя ее.

Когда внезапная тень накрыла обоих, Луи подумал, что идет огромная волна.

– Смотри, какой необычный! – большие голубые глаза пристально рассматривали Адель.

В этот день Луи видел ее в последний раз. Люди забрали ее с собой. Они оказались опаснее моря…

Шли годы, росли города и когда-то безлюдный пляж стал центром туристической жизни. Луи видел множество людей – они смеялись, танцевали, загорали, любили. Он завидовал их беспечности и не мог простить им Адель.

Но однажды на закате, когда, утомленный и уставший от летнего зноя, он уже собирался погрузиться в сумрак пучины не на шутку разыгравшегося моря, на пляже появилась девушка. Она шла вдоль берега, и в такт шагам на ее шее раскачивался кулон из розового камня.

Луи сразу узнал Адель. Она изменилась, ювелир обточил ее естественные формы, сделал надрезы и выемки, но все же это была она.

– Адель! – крикнул Луи срывающимся голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.